

Научная статья

УДК 821.161.1-311.8 Карамзин + 82-6(091) + 130.2(091)

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.030

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А. Н. КАРАМЗИНА В ЛИЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

Мария Юрьевна Попова¹

Светлана Ивановна Ермоленко²

^{1,2} Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

¹ pop.masha2014@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

² ermolenko-1@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5606-7007>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена письмам А. Н. Карамзина, посланным родным в Россию во время заграничного путешествия (с мая 1836 г. по октябрь 1837 г.). Впервые корреспонденции Карамзина были опубликованы спустя 60 лет после его гибели в нескольких книгах исторического сборника «Старина и новизна» (1914–1916 гг.). Путевые заметки сына знаменитого историографа Н. М. Карамзина, написанные живым слогом, не лишенным поэтичности, до сих пор не введены в полноценный научный оборот. В статье устанавливается факт знакомства Е. П. Ростопчиной, известной уже к тому времени поэтессы, с письмами А. Н. Карамзина. Согласно традиции того времени — эпохи «всеобщего исповедания», — письма публично зачитывались в салоне его матери Е. А. Карамзиной. О знакомстве поэтессы с письмами А. Н. Карамзина свидетельствует «Альбом...» Е. П. Ростопчиной, хранящийся в РГАЛИ. В нем содержатся отдельные фрагменты из писем Карамзина, послужившие началом их знакомства, переросшего в близкие отношения. Сопоставительный анализ текстов Карамзина и произведений Ростопчиной позволяет прояснить некоторые затемненные места личной и творческой биографии писательницы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: письма А. Н. Карамзина; путешествие; Европа; салон Е. А. Карамзиной; Е. П. Ростопчина; лирический цикл «Издадека»; «Счастливая женщина»; «Палаццо Форли»

TRAVEL NOTES BY A. N. KARAMZIN IN PERSONAL AND CREATIVE FATE OF E. P. ROSTOPCHINA

Maria Yu. Popova¹
Svetlana I. Ermolenko²

^{1,2}Ural State Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia

¹pop.masha2014@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

²ermolenko-1@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5606-7007>

Abstract. The article is devoted to the letters of A. N. Karamzin, sent to his family in Russia during his trip abroad (from May 1836 to October 1837). For the first time, Karamzin's correspondence was published 60 years after his death in several books of the historical collection "Antiquity and Novelty" (1914–1916). The travel notes of the son of the famous historiographer N. M. Karamzin, written in a lively style, not devoid of poetry, has not yet been introduced into full scientific circulation. The article establishes the fact of acquaintance of E. P. Rostopchina, a well-known poetess by that time, with the letters of A. N. Karamzin. According to the tradition of that time – the era of "universal confession" – letters were publicly read out in the salon of his mother E. A. Karamzina. The acquaintance of the poetess with the letters of A. N. Karamzin is evidenced by the "Album ..." by E. P. Rostopchina, stored in the RGALI. It contains separate fragments from Karamzin's letters, which served as the beginning of their acquaintance, which developed into a close relationship. A comparative analysis of Karamzin's texts and Rostopchina's works makes it possible to clarify some obscured parts in the writer's personal and literary biography.

Key words: letters by A. N. Karamzin; travel; Europe; salon by E. A. Karamzina; E. P. Rostopchina; lyrical cycle "From Afar"; "Happy Woman"; «Palazzo Forli»

Эпистолярный Андрей Николаевича Карамзина, сына Николая Михайловича Карамзина, историографа, главы русского сентиментализма, до сих пор остается неизученным. Особый интерес (по ряду причин, о которых речь пойдет далее) представляют корреспонденции, посланные А. Н. Карамзиным родным в Россию во время заграничного путешествия, предпринятого с мая 1836 г. по октябрь 1837 г. (для «поправления здоровья» после окончания Дерптского университета). Письмам Андрея Карамзина посвящена, пожалуй, единственная нам известная статья С. Н. Серягина, в которой они ожидаемо рассматриваются в сопоставительном аспекте – сквозь призму «Писем русского путешественника» его отца. Невнимание к корреспонденциям Карамзина-сына, по мнению автора статьи, «вполне объяснимо»: «...если Николай Михайлович *состоялся*, в том числе как выдающийся писатель, то биография Андрея Николаевича весьма *незавидна*: служба в гвардии, женитьба и гибель на сороковом году жизни (курсив наш. – М. П., С. Е.)» [Серягин, с. 126].

Позволим себе не согласиться с мнением о «незавидной» биографии и «несостоявшейся» жизни А. Н. Карамзина вследствие «пагубного влияния светскости» (С. Н. Серягин). Во-первых, Андрей Карамзин был боевым офицером, до начала Крымской войны уже успевшим повоевать в составе действующей армии на Кавказе, где был дважды ранен. «При первых известиях об объявлении войны с Турцией... — писал граф С. Д. Шереметев, предваряя публикацию писем А. Н. Карамзина в историческом сборнике «Старина и новизна», — А. Н., верный завету отца “служить верой и правдой до последней капли крови царю и Отечеству”, отправляется добровольцем на Балканский театр военных действий Крымской войны». Там в мае 1854 г. гусарский полковник А. Н. Карамзин, взяв на себя всю полноту ответственности за принятое решение, вступив в неравный бой с превосходящими силами противника, героически погибает (был найден бездыханным с многочисленными колотыми и резаными ранами на поле сражения среди тел убитых солдат его отряда) [Старина и новизна, с. 233]¹. Во-вторых, став мужем Авроры Карловны Демидовой (урожденной баронессы Шернваль), фрейлины и статс-дамы русского императорского двора, он принял на себя управление тагильскими демидовскими заводами (и, кстати, вполне успешно справлялся со своими обязанностями), оставив о себе память как о «добром барине», человеке честном, справедливом и гуманном по отношению к рабочим и их семьям².

Очевидно, что невнимание к письмам Карамзина не может быть объяснено теми или иными фактами его, как видим, достойной биографии. Впервые письма А. Н. Карамзина были опубликованы лишь спустя 60 лет после его гибели в нескольких книгах исторического сборника «Старина и новизна» [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 232–322; Римские письма А. Н. Карамзина... с. 57–100]. Однако содержание писем Карамзина-сына, как свидетельствуют современники, было известно посетителям салона вдовы писателя Екатерины Андреевны Карамзиной, который в течение более двадцати лет оставался «одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни», «истинным оазисом литературных и умственных интересов». Здесь бывали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский, Е. А. Баратынский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев и др. [Аронсон, Рейсер, с. 205–216]. Душой и вдохновительницей этого «ковчега и подворья русской литературы» (В. А. Соллогуб) была старшая дочь Н. М. Карамзина — Софья Николаевна.

В салоне обсуждались политические и общественные новости, литературные новинки, царившая там почти домашняя атмосфера гостеприимства и доброжелательности располагала к дружеской беседе, свободному обмену мнениями.

¹ Граф С. Д. Шереметев — видный государственный и общественный деятель, автор многих исторических трудов, составитель и издатель исторических документов, председатель «Общества ревнителей русского исторического просвещения...».

² Через год после смерти Карамзина по инициативе заводских рабочих на территории пос. Нижнетагильский Завод был установлен (на народные деньги) памятник с надписью «Андрею Николаевичу Карамзину — признательные тагильцы». В 1939 г. памятник, «помешавший» прокладке трамвайных путей, по решению городских властей был снесен.

Там говорят и думают по-русски,
Там чувством родины проникнуты сердца;
Там чинность модная своею цепью узкой
Не душит, не теснит. Там памятью отца
Великого и славного все дышит...

— напишет Е. П. Ростопчина в одном из своих стихотворений (1838), посвященном Е. А. Карамзиной [Ростопчина, т. 1, с. 223].

В атмосфере, царившей в салоне, уместным оказывалось чтение личных писем, в частности уже упомянутых корреспонденций из-за границы А. Н. Карамзина, адресованных членам карамзинского семейства. «Непосредственность эпистолярного лиризма легко переходила в иронию, а живой слог, обаятельное простодушие и меткие наблюдения делали карамзинские письма увлекательным чтением», — отмечает Б. Н. Романов [Романов, с. 134].

В одной из корреспонденций к Андрею его старшая сестра Софья Николаевна так описывала впечатление, производимое его посланиями на гостей салона: «...твое письмо пожелали услышать Жуковский, Тургенев, Пушкин, Виельгорский, и они так же оценили его как отражение высокого ума, живого и пылкого воображения. Жуковский все время повторял: “Прекрасно, нельзя лучше, слог самый чистый, живой, оригинальный, носящий свой собственный отпечаток: он умный и добрый малый! Похвалите его от меня!”» [Пушкин в письмах Карамзиных...]. В. А. Жуковский, А. И. Тургенев и П. А. Вяземский даже предлагали А. Н. Карамзину (впрочем, безуспешно) опубликовать письма в «Современнике» в качестве продолжения «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, его отца³.

Однако возможность публичного чтения личных писем объясняется не только атмосферой карамзинского дома. 30-е гг. XIX в. отмечены изменением мироощущения людей после поражения восстания декабристов. «Впуганная в раздумье» Россия, не имея иного, достойного человека поприща, кроме духовной деятельности, углубляется в осмысление вопросов о личности, ее правах и взаимоотношениях с обществом, о судьбе и границах свободной воли человека. И это касалось не только либерально настроенной части русского общества, но и представителей той его части, которые были далеки от вопросов общественного переустройства и народного благосостояния.

«Напряженное внимание к идее личности, в такой форме и степени не свойственное ни людям декабристской закваски, ни даже идеалистам-романтикам, сложившимся в 20-х годах», отличает, по мнению Л. Я. Гинзбург, русских интеллигентов 30-х гг. [Гинзбург, с. 140]. В постдекабристскую эпоху людей охватывает

³ С. Н. Серягин, отмечая определенную несопоставимость рассматриваемого материала, все же сравнивает письма путешественников и приходит к выводу: «Смена эпох, разница темпераментов и иные различия лишь оттеняют, подчеркивают сходство отца и сына. От Н. М. Карамзина передается поэтизация взгляда на мир, объективность восприятия эпохальных событий, некоторое литературное дарование. И, возможно, при прочих равных условиях... в лице Андрея Николаевича мы могли бы иметь второго писателя Карамзина — достойного продолжателя первого» [Серягин, с. 132–133].

необычайно острый интерес не только к собственной внутренней жизни, но и чужой, что получает теоретическое обоснование в духе философских концепций, популярных в тогдашней России. Увлеченные Гегелем романтики-идеалисты видели в каждом человеке проявление абсолютной идеи, ее отражение, печать, а потому духовный мир всякой личности представлял всеобщую ценность⁴. Отсюда утверждение принципиальной открытости внутренней жизни личности, а также возможности ее анализа с точки зрения категорий гегелевской философии (см. об этом подробнее: [Ермоленко, с. 58–60]). Сказанное Ф. М. Достоевским о 40-х гг. справедливо (едва ли не в большей степени) и по отношению к 30-м: «... наступает какая-то *всеобщая исповедь*. Люди рассказываются, выписываются, анализируют самих же себя перед светом, часто с болью и муками (курсив наш. — М. П., С. Е.)» [Достоевский, с. 27].

Таким образом, в публичном чтении писем Андрея Николаевича в «красной гостиной» карамзинского дома не было ничего необычного. В числе гостей салона Е. А. Карамзиной была и Е. П. Ростопчина, которая начала посещать его зимой 1837 г.⁵ Вероятно, слушая письма А. Н. Карамзина, Е. П. Ростопчина заинтересовалась его личностью. Об этом свидетельствует, в частности, хранящийся в РГАЛИ «Альбом...» Ростопчиной 1840-х гг., содержащий ее собственноручные выписки из заграничных корреспонденций Карамзина [РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18].

Роман между Ростопчиной и Карамзиным начался сразу по возвращении последнего из-за границы в октябре 1837 г. и продлился до осени 1844 г. (см. об этом: [Ранчин, 1991, с. 8; 2019, с. 35–37; Романов, с. 134–139]). Через год Е. П. Ростопчина с семьей отправилась в двухлетнее путешествие по Европе. Будучи в Неаполе летом 1846 г., поэтесса получила известие о свадьбе А. Н. Карамзина и А. К. Демидовой, которое стало для нее неожиданным, поскольку еще зимой она отправляла ему весточку из Рима⁶.

Многие исследователи отмечали, что отношения Е. П. Ростопчиной с А. Н. Карамзиным нашли отражение в ее творчестве, в частности в цикле «Неизвестный роман» (1839), поэме «Донна Мария Колонна-Манчини» (1848), романе в стихах «Дневник девушки» (1838–1850), романе «Счастливая женщина» (1851–1852) [Ранчин, 1991, с. 8; Романов, с. 136–340]. В основе этих произведений

⁴ Об увлечении философией Гегеля в России 30–40-х гг. XIX в. см.: [Гегель и философия, с. 52–122; Корнилов, с. 451–452; Пыпин, с. 434–440].

⁵ В одном из писем, адресованных брату, С. Н. Карамзина сообщает о своем знакомстве с Е. П. Ростопчиной: «Там (на балу у Салтыковых. — М. П., С. Е.) я познакомилась с молодой графиней Ростопчиной; она далеко не заслуживает своей репутации красавицы; правда, у нее большие черные глаза, но зато кожа у нее тоже черная и притом маслянистая, черты лица крупные, а росту она маленького и незначительного; поэтому я предпочитаю ее мужа с его оживленным лицом, глазами навывкате и вздернутым носом, напоминающим все портреты его отца» [Пушкин в письмах Карамзиных...].

⁶ Подтверждение встречаем в письмах А. О. Роскета, сослуживца А. Н. Карамзина, который сообщил своей сестре: «Андре получил письмо от Ростопчиной из Рима, хотел дать мне его прочесть, но не нашел; говорит, что залетает в поднебесную, а то письмо было бы не интересно» [Из писем А. О. Роскета..., с. 305].

лежит повествование о драматической, а подчас даже трагической истории любви, сюжетные ходы которой могут отсылать к истории взаимоотношений между Е. П. Ростопчиной и А. Н. Карамзиным⁷.

Путевые заметки А. Н. Карамзина о европейских странах, городах, их достопримечательностях и местных жителях открывают уже упомянутый «Альбом...» Е. П. Ростопчиной, начатый в 1843 г. Известно, что именно в это время Ростопчины решили отправиться в путешествие, которое планировалось еще с 1834 г., однако и в 1843 г. было отложено еще на 2 года⁸.

До нас не дошли документальные свидетельства (будь то письма или дневники) Е. П. Ростопчиной, в которых запечатлелись бы путевые впечатления — особенности национального ландшафта, культуры и быта разных стран. Зато эти особенности нашли свое отражение в ее творчестве: «заграничный» лирический цикл «Издалека»⁹, романы «Счастливая женщина» и «Палаццо Форли» (1852, опубл. 1854).

По письмам Андрея Николаевича к Е. А. Карамзиной можно проследить несколько маршрутов его путешествия. Первый, планировавшийся Карамзиным, включал посещение городов: Баден — Париж — Лион — Ницца — Генуя — Флоренция — Рим — Неаполь — Ливорно — Флоренция — Болонья — Венеция — Милан — Шпюген — Мюнхен — Баден.

Впоследствии, ввиду разных обстоятельств (холерные карантинные, нехватка денег), этот маршрут был сокращен и включал локации: Баден — Париж — Лион — Ницца — Генуя — Флоренция — Рим — Флоренция — Венеция — Баден.

Маршрут Е. П. Ростопчиной легко восстанавливается по пометам, размещенным поэтессой под стихотворениями. Они имеют точную датировку и обозначение места: Краков — Вена — Падуя — Ницца — Венеция — Флоренция — Рим — Неаполь — Париж — Баден.

Как видим, маршруты А. Н. Карамзина и Е. П. Ростопчиной отличаются направлением и несколькими локациями: Карамзин не заезжал в Краков, Вену, Падую и Неаполь. Последний, впрочем, входил у него в список мест для посещения. Однако в Неаполе тогда был объявлен карантин в связи с распространяющейся холерой. В письме к матери от 5 мая 1837 г. А. Н. Карамзин с горечью пишет:

Неаполь приказал долго жить! Не только карантинные в Генуе и Ливорно опять поставлены... Чего доброго, и сюда заберется, и тогда отсюда выезду, а по Италии проезду не будет! <...> Я стараюсь и не думать о Неаполе, потому что, при этой мысли, находит на меня глубокая грусть. Неаполитанский залив, Сорренто, Амальфи,

⁷ Так, в контексте собственной любовной истории осмысляет Е. П. Ростопчина в своем творчестве миф о грехопадении первых людей (см. об этом: [Попова, с. 118–129]).

⁸ Свидетельство начавшейся подготовки Ростопчиных к поездке за границу в 1843 г. находим в письме П. А. Плетнева к Я. К. Гроту: «...(Ростопчины. — М. П., С. Е.) собирались было за границу; но я надеюсь, что не соберутся, ибо у графа по вечерам уже начали играть в карты и есть надежда, что скоро они опять останутся без денег» [Переписка Я. К. Грота..., с. 117].

⁹ «Заграничным» циклом мы называем стихотворения Е. П. Ростопчиной, которые издавались отдельным разделом под заглавием «Издалека».

Капрея, а более, воскресшая из мертвых Помпея, прощайте! Я вас не увижу [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 316–317]¹⁰.

Е. П. Ростопчина заезжала в те же города, что и А. Н. Карамзин, лишь, по всей видимости, не посещала Лион. Двигаясь по маршруту А. Н. Карамзина, Е. П. Ростопчина обращает внимание на те места, которые он упоминал в своих письмах. Так, с явной оглядкой на карамзинское описание окрестностей Генуи, Ростопчина в роман «Счастливая женщина» включает «восхитительную картину», открывающуюся перед путниками по дороге «от Генуи до Ницы»¹¹ (едущими только, в отличие от Карамзина, в обратном направлении: у Карамзина — «*На правой стороне голубое море...*»; у Ростопчиной — «*Влево море...*»). При этом Ростопчина сохраняет запомнившиеся ей поэтические детали из письма Карамзина, используя почти те же эпитеты и метафоры, включая французское слово «*la corniche*» (карниз, выступ, уступ), данное в романе в русской транскрипции — «широкая мощеная стезя *Корниши*».

Сравним¹²:

А. Н. Карамзин. Генуя. 15 марта. Среда

Из письма к матери

Дорога, по которой мы ехали, *la corniche*, пробирается почти все время по скалам морского берега: то висит на крутом боку их, высоко, высоко, над разъяренными волнами, которые разбиваются о подошвы скалы, а то спускаются на самый берег, так что пена морская лижет колеса. <...> *На правой стороне голубое море, с пеною, разбивающейся о каменистый берег, налево шла крутая скала*, покрытая печальной зеленью оливковых деревьев, или *восхитительныя долины, усеянные белыми домиками, и украшенныя пышными растениями юга: померанцовыя и лимонныя деревья, пальмы, кактусы, алоесы* [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 309]¹³.

Е. П. Ростопчина

Роман «Счастливая женщина»

Все время, в продолжение четырех дней, от Генуи до Ницы, *широкая мощеная стезя Корниши не покидает окраины моря*, и на каждом шагу, на каждом повороте возникает новая *восхитительная картина. Влево море, справа — высокие горы и скалы*, иногда *крутые обвесы...* Иногда дорога *висит над морем*, как над пропастью. *С одной стороны неизмеримая крутизна*, отделяющая, по видимому, путника от остальной вселенной и грозящая задавить его под внезапным обрывом тяжелых обломко; тогда как с другой стороны такая же *крутизна отделяет его от моря, шумящего и бьющего глубоко внизу*, будто готового принять в свое лоно, поглотить весь поезд... при малейшем обмеренном движении одной из лошадей [Ростопчина, т. 5, с. 408].

¹⁰О серьезности ситуации, связанной с эпидемией холеры, свидетельствует, например, смерть летом 1837 г. в Неаполе Н. И. Лебедева, талантливого молодого художника, отправленного в Италию в качестве пенсионера Императорской академии художеств [Степанова, с. 115–134].

¹¹Ница — так у Е. П. Ростопчиной.

¹²Здесь и далее курсив в текстах писем Карамзина и произведений Ростопчиной наш. — М. П., С. Е.

Следующий эпизод в романе «Счастливая женщина», изображающий пребывание главной героини в Генуе, перекликается с отрывком из другого письма А. Н. Карамзина к матери:

А. Н. Карамзин. После обеда.
6 часов вечера

Из письма к матери

...мы, под предводительством лон-лакея, бросились с жадностью на церкви и палаты Генуэзкия. Что за чудо, что за благородная, изящная роскошь! Мы бегали часа 4 и успели осмотреть Собор, две-три церкви и 5 главных дворцов. <...> Ходя по мраморным террасам дворцов, опираясь на мозаиковые дворцы и глядя на художественные богатства, которыми они украшены, я чувствовал глубокую зависть, не индивидуальную, но национальную... [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 310].

Е. П. Ростопчина.

Роман «Счастливая женщина»

Марина... осмотрела все достопримечательности Генуи, дозволила водить себя по всем церквам, по знаменитым картинным галереям, по богатым, но пустым жилищам стародавних Дорий, Дураццов и Паллавиноченок... Она обошла все мраморные палаты, наполненные сокровищами живописи и еще более богатые собраньем всех восточных редкостей и резного искусства... Она гуляла по террасам, обращенным в висячие сады, откуда померанцевые и лимонные деревья сыплют на прохожих снежный дождь своих цветов и упоительную негу их благоуханья [Ростопчина, т. 5, с. 407].

Упоминание города и его ключевых локаций: церквей и соборов, «мраморных палат», картинных галерей и дворцов (у Е. П. Ростопчиной — с указанием имен их «стародавних» владельцев) — позволяет предполагать, что писательница не только двигалась по маршруту А. Н. Карамзина, но и посещала те же культурные и исторические памятники.

Будто оглядываясь на карамзинские впечатления о Ницце, Е. П. Ростопчина от лица повествователя дает иное описание этого курортного городка. У А. Н. Карамзина Ницца вызывает «живое чувство физического и морального благосостояния»:

Я, который еще живо помнил снег и холод, мучивший меня на дороге, шел по морскому берегу и был ослеплен отблеском солнечных лучей на лазурных волнах. В садах — густая зелень апельсиновых и лимонных деревьев, покрытых плодами, и струи теплого ветерка обливали меня благовонием распустившихся роз и фиалок!.. Я был вне себя! [Письма А. Н. Карамзина к матери, с. 308].

Повествователь в романе Е. П. Ростопчиной, как бы вступая в диалог с воображаемым читателем, рисует противоположную картину:

¹³Этот отрывок из письма, а также фрагмент из письма о Флоренции (письмо к Е. А. Карамзиной от 18 марта 1837 г.) вписаны Е. П. Ростопчиной в «Альбом...» [РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 8].

Достигли наконец и Ницы. Но тут, *вместо обещанного и ожидаемого приюта и спокойствия*, путницу нашу и ее провожатых ожидали *картины неприятные и противные*. В два-три года это местечко, прославленное по Европе как деревня, где каждый домик купается в волнах моря и тонет в зелени цветников и садов, — это местечко преобразовалось и превратилось совершенно, и на пространстве прежних садов отстроены *узкие, темные, грязные улицы... Шум, пыль, стук колясок, раздражающие вопли бедных ослов, перебранка торговков и разных мастеров... — все противные подробности провинциальной жизни, суетливости*, — вот что составляет внешний вид Ницы... [Ростопчина, т. 5, с. 412].

Впечатления от посещения Рима, о котором так много писал своей матери А. Н. Карамзин, отразились и в поэзии Е. П. Ростопчиной. Величественный образ собора Святого Петра производит сильное впечатление и на молодого путешественника, и на автора цикла «Издалека». А. Н. Карамзин, описывая в своих корреспонденциях собор, упоминает о посещениях его: торжественный обед, представление Папе, восхождение на колоннаду, экскурсия, устроенная им для графини М. Ф. Соллогуб.

Восхищаясь архитектурной роскошью собора (*«прекрасный монумент Кановы, алтари, мозаики, гробы... мраморная статуя Справедливости»* [Римские письма А. Н. Карамзина..., с. 62]), А. Н. Карамзин остается недоволен богослужением. Приведем иронический пассаж из его письма:

Какая разница с нашим богослужением Св. Пасхи. Радостное пение “Христос Воскресе” сначала возвещает чему все радуются, поклоняются и молятся одному Божеству, и на эту минуту исчезают все неравности гражданские, православный мужик и православный *Л е н т о н о с е ц* молятся рядом; обряды торжественны, пение величественно. Здесь дело идет не о воскресении из мертвых Иисуса, но о прославлении Папы и о начале его власти, вся служба вертится вокруг него, про бога забывают, остается только это неподвижное чучело на своем престоле, к которому беспрестанно подходят целовать руки и ноги; к царю небесному, как к царям земным, подпускают только в мундирах и лентах, а народ, *Апостольских товарищей* гонят подальше. Когда читают Евангелие по-Латыни, то горят 7 свечей, а перед Греческим только 2! Пение варварское! Католическая скороговорка! <...> ... вся штука кажется спектаклем, разыгранным в их пользу. После службы бывает обыкновенно благословение народа на площади; но так как поутру шел маленький дождь, а солдаты у Папы сахарные, то их отпустили домой, и Папа благословлял в церкви [Там же, с. 64–65. Разрядка автора. — М. П., С. Е.].

Е. П. Ростопчина посвящает собору Святого Петра одноименное стихотворение с подзаголовком «В вечер Страстной Пятницы». Лирическая героиня вспоминает, какие разные чувства испытывала она в святые дни, посещая храм:

Я видела тебя, о *дивный храм*,
В торжественные дни, когда Владыка Рима
Царем богослужил, и ты, неизмеримый,
Был весь сияние... молитва... фимиам!..

Я видела тебя, когда перед Небесной
Смирялась власть земли, колена преклоня...
И *праздник был так светл, велик*, — что, мнила я,
Он мира лучшего прообраз нам чудесный!..

Но нынче... я вхожу, — и *траур алтарей*,
И надпрестольный крест, в креп черный облеченный,
И храм торжественно в потемки погруженный,
Без пенья, без кадил, без таинств, без огней, —

Молчанье, ужас, мрак, — *всё о борьбе Христовой*, —
Все о Распятом здесь так сильно говорит,
Что дух трепещет мой, душа моя скорбит,
И ты священный мне, святее, сень Петрова!!..

[Ростопчина, т. 2, с. 145].

По-разному воспринимается А. Н. Карамзиным и Е. П. Ростопчиной Тиволи. Карамзин лишь вскользь упоминает о неудачной поездке в пригород Рима:

От Рима до Тиволи 18 миль, т. е. более 30 верст, я 4 месяца не ездил верхом... проскакал это пространство в 1 час 40 минут! марш-маршем сначала до конца. За делом приехал, через $\frac{3}{4}$ часа начался дождик, мы отошли далеко, промокли, голодные воротились в скверный пустой трактир, прозябшие сели в коляски и на возвратном пути *неумолимое небо нас немилосердно полоскало. Вот вам и Тиволи и римский климат!* [Римские письма А. Н. Карамзина..., с. 74].

Е. П. Ростопчиной же посещение Тиволи запомнилось тем, что там, на вилле д'Эстэ, где все овеяно памятью великого Тассо, «земляки», «русские, спутники» преподносят ей «венец лавровый», от которого она смиренно отказывается, считая себя недостойной его:

Смотрите, *где мы!!..* вот стоят палаты
Старинные, чудесные..... и в них
Когда-то двор державный и богатый
Торжествовал пиры Князей своих...

И вспомните, *чи* стопы ходили
По сим аллеям!.... *чей* здесь глас звучал....
Чьи песни здесь *Элеонору* чтили... ..
Здесь страстный Тассо жил... любил... мечтал!..

<...>

Что я пред ним?.... Что я в стране сей славной?..

<...>

Лишь женщина, во всем значеньи слова!....
Не мне, друзья, не мне венец лавровый!....

[Ростопчина, т. 2, с. 146–147.
Курсив автора. — М. П., С. Е.]

Еще одна любопытная переключка, на этот раз с венецианским письмом Карамзина к матери, обнаружена нами в романе «Палаццо Форли»:

...перед сном, чтоб достойно кончить день, я сижу у себя на балконе и при лунном свете курю ароматическую трубку; передо мною черныя стены дожскаго дворца и темною дугою перекидывается через канал il ponte Sospirì, подо мною в струях канала играет месяц, все тихо и пусто; изредка скользит по воде черная гондола и однообразный плеск весел прерывает тишину... Вдали звуки песен, струйки теплаго ветерка... [Римские письма А. Н. Карамзина..., с. 128].

Е. П. Ростопчина, вероятно, держа в памяти эту живописную картину из письма, изображает в то же время суток, в той же позе (но в ином, не столько поэтическом, сколько возбужденном состоянии) одного из главных персонажей «Палаццо Форли» — ветреного и страстно влюбленного юношу Лоренцо Форли.

...поздно за полночь, он [Лоренцо. — С. Е., М. П.] уже возвратился из театра, уже пребывал под прокурациями, исходил всю площадь, пересмотрел всех сидящих и проходящих и, безнадежный, докуривал сигару на своем балконе, над каналом Сан-Моизе. Вдруг под балконом остановилась гондола, освещенная двумя красными фонарями... Лоренцо с удивлением смотрел на это явление, показавшееся ему грозным провиденьем безвозвратной старины, когда вдруг из гондолы раздались пение и слишком знакомый, слишком памятный ему голос запел... Вне себя от радости, Лоренцо вскрикнул и бросился с балкона... [Ростопчина, т. 5, с. 596].

Если бы читатель был знаком с карамзинскими письмами, то ему вряд ли показались бы случайными совпадения в описании венецианской ночи, принадлежащие двадцатидвухлетнему путешественнику и автору романа «Палаццо Форли», увидевшему свет в год смерти А. Н. Карамзина. Так, бережно храня в сердце все, что связано с дорогим для нее человеком, Е. П. Ростопчина вступает с ним в незримый диалог, следуя маршрутом его и своей памяти.

Можно, вероятно, говорить о том, что путешествие А. Н. Карамзина, отраженное в его корреспонденциях, стало знаковым *со-бытием* в жизни Е. П. Ростопчиной. Случай то или закономерность, но европейские путешествия «закольцовывают» историю их взаимоотношений. Благодаря публичному чтению писем Андрея Карамзина в «красной гостиной», Е. П. Ростопчина заочно познакомится с юношей, которого она при встрече полюбит. Спустя почти 10 лет, расставаясь с А. Н. Карамзиным, Е. П. Ростопчина с семьей отправится в Европу по маршруту, обозначенному в письмах того, кто оставил такой яркий след в ее судьбе.

Итак, восприятие Е. П. Ростопчиной заграничных писем А. Н. Карамзина, до сих пор не введенных в научный и культурный оборот, позволяет прояснить некоторые затемненные места личной и творческой биографии писательницы. Однако только некоторые. До сих пор неизвестна судьба дневника, который Е. П. Ростопчина, по свидетельству ее дочери Лидии, вела в поездке по Европе. Ее письмо к А. Н. Карамзину из Рима (то ли по рассеянности адресата, то ли

по какой-то другой причине) также не сохранилось. И главное — до сих пор не прочитан до конца тот глубоко личный, вдохновленный историей любви Е. П. Ростопчиной подтекст, который запечатлелся в ее творчестве.

Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001.

Гегель и философия в России: 30-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в. М., 1974.

Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974.

Достоевский Ф. М. Петербургская летопись // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 11–34.

Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы : монография. Екатеринбург, 1996.

Из писем А. О. Роскета к А. О. Смирновой // Рус. архив. 1896. № 2. С. 279–310.

Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина: Из истории русского романтизма. М., 1915.

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / изд. ред. Я. К. Грота. СПб., 1896. Т. 2.

Письма А. Н. Карамзина к матери. Сообщены гр. М. Н. Толстой // Старина и новизна. 1914. Кн. 17. С. 232–322.

Попова М. Ю. Формирование мифа о грехопадении в творчестве Е. П. Ростопчиной // Филол. класс. 2023. Т. 28, № 2. С. 118–129.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов / под ред. Н. В. Измайлова. М. ; Л., 1960. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-125-4.htm> (дата обращения: 30.04. 2023).

Пытин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов : ист. очерки. СПб., 1909.

Ранчин А. М. История женщины и поэтессы — в романе, повести, комедии // Ростопчина Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения. М., 1991. С. 5–14.

Ранчин А. М. Евдокия Петровна Ростопчина : очерк жизни и творчества // Ростопчина Е. П. Собр. соч. : в 6 т. / предисл., сост., коммент. А. М. Ранчина. М., 2019. Т. 1. С. 3–72.

РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 8. Альбом с записями мыслей Е. П. Ростопчиной, автографами А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербины, Л. С. Пушкина и др., выписками из писем А. Н. Карамзина, из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, О. Бальзака, И.-В. Гёте, Д.-Г. Байрона и многих других. На рус., фр., нем., англ., польск. языках.

Римские письма А. Н. Карамзина к своей матери Екатерине Андреевне. Сообщено графиней М. Н. Толстой // Старина и новизна. 1916. Кн. 20. С. 57–170.

Романов Б. Н. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной : повествование : в 7 ч. М., 2017.

Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / предисл., сост. и коммент. А. М. Ранчина. М., 2019. Т. 1.

Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / сост. и коммент. А. М. Ранчина. М., 2019. Т. 2.

Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / сост. и коммент. А. М. Ранчина. М., 2022. Т. 5.

Серягин С. Н. Письма русских путешественников: Николай Михайлович и Андрей Николаевич Карамзины // Карамзинский сборник: наследие Н. М. Карамзина в истории

и культуре России : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 5–6 дек. 2016 г.). Ульяновск, 2017. С. 126–132.

Старина и новизна : ист. сб. М., 1914. Кн. 17. С. 232–322.

Степанова С. С. Увидеть Италию и умереть: о малоизвестных представителях русской колонии в Риме (М. И. Лебедев, П. С. Петровский, В. И. Штернберг, И. Г. Давыдов) // Третьяковские чтения, 2009 : материалы отчет. науч. конф. М., 2010. С. 115–134.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024 г.